

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ПСИХОЗ

СМЕХ И ГРЕХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИЛК-ПРЕСС. 2017 год

Илья
Fishki.net

Илья Деревянко

Бриллиантовый психоз

«СИЛК-ПРЕСС»

1998

Дервянко И.

Бриллиантовый психоз / И. Дервянко — «СИЛК-ПРЕСС», 1998

«Благодаря окну, разбитому кем-то из одуревших ввиду шаткости привычной власти мужиков, по комнате разгуливал шустрый ветерок, притащивший с собой несколько рано пожелтевших листьев, содранных с деревьев помещичьего сада. Об обломок стекла с тупым упорством билась жирная муха, по скудоумию не догадывающаяся вылететь в зияющую рядом с ней дыру...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Деревянко

Бриллиантовый психоз

Пролог

15 августа 1812 года. Война с Наполеоном

Н-ская губерния, деревня Лозовка усадьба помещиков Коробковых. Середина дня

Благодаря окну, разбитому кем-то из одуревших ввиду шаткости привычной власти мужиков, по комнате разгуливал шустрый ветерок, притащивший с собой несколько рано пожелтевших листьев, содранных с деревьев помещичьего сада. Об обломок стекла с тупым упорством билась жирная муха, по скудоумию не догадывающаяся вылететь в зияющую рядом с ней дыру. Графиня Амалия Львовна Коробкова, сухопарая сорокалетняя дама в темном дорожном платье, неестественно прямо застыла в высоком деревянном кресле, судорожно прижимая к плоской груди сцепленные в замок худые пальцы. Взгляд графини – неподвижный, отсутствующий, устремленный в какие-то недоступные остальным смертным дали, – до ужаса пугал молоденькую кузину Лизу, девушку нервную и впечатлительную. Пугал гораздо больше, чем неумолимо приближающиеся наполеоновские войска, чем поголовно пьяные, неуправляемые, вконец распутившиеся мужики. Лиза морщила хорошенький вздернутый носик, поминутно вытирала глаза и дожидалась лишь повода разрешиться по-настоящему, например известия, что в имение уже вломилась французская солдатня или что лозовские крестьяне, недавно наотрез отказавшиеся грузить на подводы графские пожитки, окончательно взбунтовались и намереваются «поднять господ на вилы». Нарушить молчание она, однако, не решалась. Томительно тянулись минуты. Хулиганистый ветерок беззастенчиво трепал прически дам. Муха продолжала жужжать. Наконец в коридоре послышались шаркающие шаги. Обе женщины невольно напряглись. Скрипнула дверь. В комнату, отдуваясь, вошел управляющий помещьем Михаил Михайлович Складов, или попросту Михалыч, – низенький, толстенький, плешивый старичок, верный слуга Коробковых, знавший графиню буквально с пеленок и потому позволявший себе в общении с ней некоторые вольности, впрочем вполне безобидные.

– Есть две новости, одна хорошая, другая плохая, – отвесив почтительный, но легкий поклон, доложил он.

– Начни с плохой! – осевшим голосом распорядилась Амалия Львовна. Кузина Лиза всхлипнула.

– Французы менее чем в пятнадцати верстах отсюда, – кряхтя, сообщил Михалыч.

– А х-хорошая? – Лицо Коробковой дрогнуло, налилось румянцем.

– Мужички больше не артачатся, спешно загружают подводы. Через полчаса должны закончить...

– Почему?! Неужто совесть проснулась?! – искренне изумилась графиня. Вчера лозовцы неведомыми путями получили от французского командования некую прокламацию, в категорической форме запрещающую жителям покидать свои дома¹, и, как водится, взбаламутились, вообразив, будто старые господа им больше не указ, а некий Тит Бутылкин, известный на деревне пьяница и бездельник, принялся туманно намекать, что он не кто иной, как чудесно спасшийся император Петр III².

---

¹ Наполеоновское командование во время наступления на Москву действительно рассылало подобные прокламации, чтобы люди не поддались в бега вместе с имуществом и французам нечего было бы грабить. (Здесь и далее примечания автора.)

² Русский император, внук Петра I, муж Екатерины II. Потерял власть в результате дворцового переворота и после отречения от престола был якобы случайно убит одним из фаворитов Екатерины во время пьяной потасовки.

– Да нет, не то чтобы совсем совесть, – на губах Склярова промелькнула едва заметная усмешка. – Но час назад в здешних краях объявился сотник Платова³ с двумя казаками. Сено для лошадей промышляли. Сотник лыка не вязал. Поэтому я не решился представить его вам, однако мужикам намекнул: смотрите, мол, ребята. Наши-то недалече. За сопротивление законным господам не помилуют, а казаки, зверюги известные, так вообще всю деревню под нож пустят. Им это как два пальца... Кх-кх... Простите, барыня. Вырвалось!

– И они поверили?! – усомнилась Амалия Львовна.

– Конечно! – ухмыльнулся управляющий. – У страха глаза велики.

– Слава Богу! – облегченно вздохнула графиня и размашисто перекрестилась. – Скорей бы уехать!

Лиза все-таки разрыдалась. От радости...

Вскоре после того как графские подводы скрылись за горизонтом, Михаил Михайлович с чувством выполненного долга неторопливо прогулялся по покинутому дому, мимоходом заглянул в будуар графини и вдруг замер как громом пораженный.

– Батюшки святы! – всплеснул руками он. – Украшения, подаренные покойным графом, забыла впопыхах! Богатство-то какое! – Тут старик грешным делом подумал было, что Амалия Львовна мужа не шибко жаловала, даже, поговаривали, рога наставляла, но сразу устыдился, усилием воли отогнав непотребные мыслишки.

«Ладно. Не мне судить, однако драгоценности придется надежно спрятать. Иначе либо французы уволочут, либо собственные мужички разворуют!» Скляров не любил откладывать дела в долгий ящик. С соблюдением строжайших мер предосторожности он немедленно принялся за работу, которую завершил только к середине ночи.

– Слава тебе, Господи! Справился! – устало выдохнул Михалыч, вернувшись обратно в дом, вымыл перепачканные землей руки, сменил пропотевшую одежду на свежую, не стесняясь (заслужил как-никак!) выпил два полных стакана мадеры из графских запасов и, усевшись за стол, набросал на бумаге план-схему, дабы по старости лет не забыть, где именно закопал сокровище. Затем бережно вложил листок в первую попавшуюся книгу в зеленом сафьяновом переплете и поставил ее на полку справа...

В ноябре 1812 года, когда остатки «непобедимой» армии Наполеона, теряя десятки тысяч людей убитыми, ранеными, замерзшими, бросая орудия и обозы, в панике драпали к границам Российской империи, толпами сдаваясь в плен при первом же удобном случае, в Лозовку вернулась графиня Коробкова. Дорожка к дому была предусмотрительно расчищена услужливыми мужиками (снег в этом году выпал рано). Население Лозовки, невзирая на колючий мороз, встречало помещицу с непокрытыми головами.

– Где Михалыч? – откинув полог кареты, требовательно спросила у толпы Амалия Львовна.

– Во флигеле, барыня. Помирает вроде, – виновато пробасил Тит, успевший отречься от «царского происхождения», покаявшийся перед односельчанами «в помрачении ума», но все же высеченный старостой на конюшне, «дабы впредь не смущал народ самозванством».

– Что с ним?! – испуганно воскликнула Коробкова.

– Грудь застудил, кажись, – хором ответило несколько голосов. Выпрыгнув из кареты, графиня прямо по снегу кинулась к флигелю, где вместе с семьей жил управляющий...

Старик, подхвативший двустороннее воспаление легких, действительно находился при смерти. Бледный, осунувшийся, он безвольно лежал на кровати под ворохом овчинных тулупов. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Губы запеклись. Глаза затянула мутная поволока.

---

³ В период войны с Наполеоном атаман Платов командовал казачьей конницей в армии фельдмаршала Кутузова.

– М-ма-т-тушка! Г-гол-лубуш-шка, – узнав графиню, прохрипел он, делая попытку подняться. – Д-дож-ждал-лся! – Склярв надрывно закашлялся. Коробкова заплакала. Она любила преданного слугу.

– Д-д-драг-гоцен-ности т-твои я с-с-берег, – кое-как переведя дыхание, прошелестел Михалыч. – Я з-зак-копал их в... – досказать бедняга не успел. Тело задергалось в предсмертных судорогах, а душа отправилась на встречу с Всевышним...

Управляющего похоронили внутри ограды местной церкви. Клад некоторое время искали наугад, потом перестали. Иголлка в стоге сена! Тем не менее легенда о нем сохранилась в народе и с некоторыми изменениями дошла до наших дней.

Глава 1

Дураки бывают разные. Нет, попрошу не вставать с места, пока вас не вызвали!
О'Генри. Клад

Наши дни. г. Лозовск Н-ской области. 2 июля 1998 года, вечер

Развеселая компания, втиснутая в потрепанную «восьмерку», катила на шашлыки. Машин на шоссе хватало с избытком (конец рабочего дня). То там, то здесь возникали пробки. В открытое окно вливался прохладный, заметно подпорченный выхлопными газами воздух. В магнитофоне вопила очередная рок-звезда. В «восьмерке» сидело четверо: ее владелец – мелкий коммерсант Вадим Никаноров, двадцати восьми лет от роду; сотрудник частной охранной фирмы «Варяг» Андрей Кожемякин – одноклассник Никанорова; двадцатидвухлетняя Ольга Жеребцова – девица без определенных занятий, непрерывно учащаяся то на одних, то на других курсах, и «белая ворона» – Иван Скляров, в 1988 году закончивший с отличием Историко-архивный институт, смолоду подававший большие надежды, а в настоящее время работающий, вернее, нищенски существующий на должности заведующего Лозовским городским музеем. Склярова пригласили случайно, в результате не слишком удачной шутки Кожемякина – соседа Ивана по лестничной площадке.

– Гы! – узнав о намеченном пикнике, сказал он, морща низкий обезьяний лоб. – У меня мысль!

– Какая?! – живо заинтересовался Никаноров.

В крохотном, сдавленном массивными черепными костями мозга охранника мысли рождались столь редко, что уже сам по себе факт «рождения» являлся сенсацией.

– Давай позовем архивную крысу! Ради приколу! – поднатужившись, выдал Андрей и победно ухмыльнулся: «Вот, мол, вам, пожалуйста! Не такой уж я дебил! Тоже извилинами шевелить умею!»

– В чем же заключается приколу? – не понял Никаноров.

– А в том! Гы! – Сегодня Кожемякин определенно был в ударе. – Мы выпьем, а он нам побухтит про историю! Гы, гы!

– Пожалуйста, зови, – равнодушно пожал плечами коммерсант. – Водки на всех хватит. Я целый ящик закупил...

Вадим Никаноров намеревался обмыть удачную (ну, может, почти удачную) сделку по перепродаже партии китайских трусов и ввиду летней погоды, а также астрономических цен во всех мало-мальски приличных ресторанах решил провести торжество на лоне природы: дешево, сердито и воздух свежий. Изначально он позвал лишь старого приятеля Кожемякина. Склярова, как упоминалось выше, взяли «ради приколу». Что же касается Жеребцовой... Гм, гм... Вы, полагаю, сами догадываетесь...

Итак, компания сколотилась, для поднятия тонуса приняла «на грудь» по стакану-другому-третьему (кто как) и двинулась в путь по направлению к популярному в здешних краях водохранилищу с помпезным названием «Голубая лагуна», находившемуся километрах в десяти от Лозовска. Плюсами «Голубой лагуны» были близкое расположение и относительно чистая вода, а минусами – наличие при подъезде алчного поста ГАИ да в придачу хронический дефицит дров на побережье (чересчур много шашлычников развелось).

– Только бы проскочить! Только бы проскочить, – монотонно, словно заклинание, твердил Никаноров, добросовестно соблюдая правила дорожного движения и остервенело жуя мят-

ную жевательную резинку. – От меня перегаром, блин, несет! Обдерут, суки, как липку!.. Только бы проскочить! Только бы проскочить...

Однако «заклинание» не сработало. У злополучного поста повелительно взметнулся полосатый жезл. К понуро остановившейся машине суетливым коlobком подкатился жирненький лейтенант с розовой лоснящейся мордочкой, усиками-щеточками и шныряющими по стопонам глазками-бусинками. Гаишник втянул носом воздух, учуял аромат спиртного и аж подпрыгнул от радости.

– Ну-у-у?! – протянул он, выжидательно глядя на водителя. Никаноров с тяжелым вздохом вынул из кармана денежную купюру. Взгляд мента сделался сосредоточенным, как у кота, рассеявшегося в песочнице справиться нужду по-большому. Очевидно, соображал – хватит полученной mzды или маловато будет. Оказалось – маловато.

– Ну-у-у! – В голосе лейтенанта зазвенели угрожающие нотки, готовые в любой момент трансформироваться в правоохранительный лай. Щеточки на верхней губе вздыбились. В бусинках вспыхнули злые огоньки. Никаноров с горестным видом добавил вторую купюру, затем третью. Физиономия стража порядка просветлела.

– Проезжайте! – махнул рукой он, демонстративно разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

– Сволочь поганая! Чтоб ты подавился! – удалившись на безопасное расстояние, с ненавистью выругался коммерсант. – Твари ненасытные! Никак не нажуртся, подлюги! Тьфу!..

Обшарив всю округу, дрова с грехом пополам собрали. Кроме того, Кожемякин украдкой раскурочил топором декоративный пенек, предназначенный для отдыха туристов. (К слову, подобный пенек в окрестностях «Голубой лагуны» оказался последним. Остальные давно превратились в шашлычные дымки.) Затем развели костер и, дождавшись углей, разложили шампуры с мясом наподобие мангала, симпровизированного из четырех кирпичей.

– Искупнемся? – немного оправившись после гаишной реквизиции, предложил Никаноров.

– Неплохо бы освежиться!

Кожемякин отрицательно покачал головой, поглядел на ящик с бутылками и вожаделенно облизнулся. Жеребцова зябко поежилась, а Склярлов просто промолчал, задумавшись о чем-то своем. По правде сказать, погода не располагала к водным процедурам: в небе толпились тяжелые тучи, дул порывистый ветер, в воздухе веяло сыростью. Неопределенно хмыкнув, Вадим сбросил одежду, оставшись в одних плавках, решительно направился к воде. «Освежаться» ему тоже расхотелось, но не зря ж прибыл на пляж?! Надо окунуться хоть разок, из принципа. Мутная вода встретила коммерсанта, мягко говоря, холодно. Он, чертыхаясь, окунулся с головой, пулей вылетел на берег, растерся полотенцем и торопливо оделся. По телу бегали мурашки. Зубы выбивали барабанную дробь. «Гаишника б, гада, туда, – зло подумал Никаноров. – Пряма в форме да с камнем на шее! Бр-р-р!»

Между тем шашлыки почти поспели, шипели капающим на раскаленные угли жиром, источали вкусный запах.

– Н-наливай, – полизгивая зубами, предложил Вадим Кожемякину. Тот не заставил себя долго упрашивать. Водка с бульканьем устремилаcь в стаканы.

– З-за м-мою уд-дачную сделку! – провозгласил тост коммерсант, залпом проглатывая огненную воду. Остальные последовали его примеру, закусывая хлебом, зеленым луком, помидорами и недожаренным мясом.

– Повтори, Андрюша, – попросил Никаноров, чувствуя, как растекается по жилам хмельное тепло, забирая озноб и нервное напряжение.

– Что за сделка? – вдруг спросил Склярлов, вопреки надеждам Кожемякина не спешащий «бухтеть про историю».

– Китайские трусы! – приосанился Вадим. – Взял по дешевке у косоглазых в ихней общаге да сбегнул оптом в галантерейный магазин. Навар около полутора «лимонов».

– Старых? – уточнила Жеребцова.

– Конечно. Но тоже, знаешь ли, деньги неплохие!

– И-и-и-эх! – вздохнула Ольга. – Деньги! Ха!

– Но-но! Поаккуратнее с плоскими остротами! – насупился задетый за живое коммерсант. – Носом фырчать легко! Сперва научись сама зарабатывать, а потом...

– Я не хотела тебя обидеть, – примирительно сказала девушка. – Просто думала совсем о другом.

– О чем же? О тряпках небось? – презрительно прищурился Вадим.

– Нет, – пропустив мимо ушей колкость, печально ответила Ольга. – Я вспомнила о кладе, зарытом где-то неподалеку. Вот там – действительно деньги! Агромадные!

– Ты имеешь в виду мифические сокровища графини Коробковой? – догадался Никаноров. – Слыхали, слыхали! Как же! Но все это, милая моя, чушь собачья. Правильно, Андрюха?!

Кожемякин с набитым ртом пробурчал нечто утвердительное.

– А вот и не чушь! – вмешался в разговор захмелевший с непривычки Скляр. – Сокровища действительно зарыты, кстати, моим далеким предком, служившим у графов управляющим. Зарыты неподалеку от усадьбы, где ныне размещается сдыхающий из-за отсутствия финансирования музей. Мать его так! Я имею в виду не музей, а правительство. – Иван отхлебнул из стакана, занюхал горбушкой. На щеках выпускника Историко-архивного института полыхал нездоровый румянец. Глаза горячечно блестели.

«Окосел и начал бухтеть про историю, – мысленно отметил коммерсант. – Верно Андрюха угадал! Ну давай, родной, давай! Потешь честную компанию, а то больно кисло сидим. Настроение у меня ниже среднего, да и гаишник проклятый никак из головы не лезет».

– Тебе известно, где именно зарыт клад? – с нескрываемым ехидством вслух спросил он.

– Да!

– Что-о-о-о?! – От удивления Никаноров подавился водкой и надсадно закашлялся.

– Врет он! – встряла Жеребцова. – Цену себе набивает! Ис-то-рик!

– Я не вру! – задохнулся от возмущения Иван. – У меня есть план!

– Бреешь как сивый мерин! – специально подначил Вадим, интуитивно почувствовавший, что «архивная крыса» говорит правду, и уже ослепленный открывающимися перед ним блестящими перспективами. – Откуда такому плану взяться?

– Из библиотеки музея, – с достоинством пояснил Скляр. – Я, как тебе известно, являюсь там заведующим.

Никаноров с Жеребцовой обратились во внимание. Кожемякин же по-прежнему усердно чавкал шашлыком.

– Однажды, разбирая старые книги, сваленные в кучу на чердаке, – продолжал между тем Иван, – я обнаружил в одной из них листок бумаги с планом и подписью Михаила Михайловича Склярова, моего пращура. Книга рассыпалась в руках по причине старости да отвратительных условий хранения. Страницы наполовину сожрали мыши, план, кстати, тоже, но кое-что в нем можно понять. – Заведующий музеем достал из кармана засаленный, напрочь забытый о деньгах бумажник, открыл и торжественно продемонстрировал собравшимся пожелтевший обрывок бумаги со следами мышиных зубов, бережно упакованный в целлофан.

Никаноров, моментально протрезвев, жадно впился глазами в рисунок. На обрывке было грубо, от руки набросано изображение известной всем лозовцам барской усадьбы, а также схема расположения клада. Правда, мыши вкупе со временем и чердачной сыростью внесли в чертеж значительные коррективы. Разобрать в нем что-либо определенное представлялось весьма затруднительным, но тем не менее это был план! Старинная легенда воплощалась в реальность. Вадима затрясла золотая лихорадка. Жеребцова тихонечко заскулила, и даже флегматично

жующий Кожемякин проявил некоторые признаки оживления. В этот момент хлынул проливной дождь, в мгновение ока затушивший костер. Шашлычники, не успев сообразить, в чем, собственно, дело, вымокли до нитки. Опомнившись, они чертыхаясь ринулись к «восьмерке». Несущиеся из свинцовых туч потоки воды смывали щепки, объедки, прочий мусор. Смыло и колобка-гаишника. Поэтому на обратном пути Никанорову удалось избежать экспроприации. Подогнав машину к своему дому, Вадим пригласил мокрую компанию к себе в квартиру. «Обсушимся, обогреемся да заодно «за жизнь» покалякаем». Однако ни обсушиться, ни отогреться времени не дал. Сразу взял быка за рога. «Калякал» коммерсант не «за жизнь», а за клад.

– Ваня, дружище! Ты ведь знаешь, как я тебя люблю! – задушевно обратился он к Склярову, которого видел впервые в жизни. – Я искренне желаю тебе помочь!

Заведующий музеем недоверчиво хмыкнул.

– Да, да, искренне! – горячо заверил Никаноров, прижав обе ладони к груди. – Я хочу...

– Войти в долю, – перебил его Иван. – Поучаствовать в дележе сокровищ графини Коробковой. Не правда ли?

– Пойми, Иван! В одиночку тебе не справиться, – поняв, что дуриком проскочить не удалось, сменил пластинку Вадим. – Копать придется долго, поскольку чертеж объели мыши во многих местах. Вот, смотри, здесь написано: «Т...ть шагов от флигеля в сторону пруда». Т...ть? Сколько это? Тридцать? Тринадцать? Тридцать пять?! Идем дальше: «Поворот под прямым углом налево к забору...ть шагов». Улавливаешь мысль?

Скляров неохотно кивнул.

– Раскопки отнимут массу времени, – продолжал коммерсант. – Потребуют определенных расходов на еду, на снаряжение, а у тебя в кармане ни гроша.

Иван нахмурился.

– Не обижайся, – поспешил добавить Никаноров. – Лучше взгляни на вещи трезво. Я профинансирую раскопки...

– А я помогу продать брюлики, – вдруг ляпнул Кожемякин. – Через моего шефа, Арчибальда Артуровича Плутаняна, конкретно завязанного с антикварами и фирмачами. Самому тебе их вовек не сбыть. В лучшем случае ограбят, в худшем... – Андрей многозначительно провел пальцем по горлу.

Никаноров обомлел. Вторая мысль, причем толковая, в крохотном мозгу Кожемякина за один день – это уже не сенсация! Это знамение!

– Вы забыли обо мне, – пискнула Жеребцова.

Все посмотрели в сторону девицы. Скляров с недоумением, Никаноров с негодованием, а Кожемякин с кровожадностью.

– С тобой-то как раз проблем не возникнет, – пробасил он. – Бритвой по горлу да в колодец. Гы!

Вадим одобрительно кивнул. Ольга испуганно попятилась.

– Нет, нет, ребята! Так не пойдет! – вмешался Скляров, которому вовсе не улыбалась перспектива сделаться соучастником убийства. – Лучше возьмем ее в долю!

– На хрена?! – хором возмутились коммерсант с охранником.

– Ну, в первую очередь – пусть постоянно находится при нас. Иначе проболтается. Тогда в окрестностях усадьбы будет не протолкнуться из-за наплыва кладоискателей. Во-вторых, на что-нибудь да сгодится – приготовить, постирать, инструмент почистить. В-третьих, у женщин чутье хорошее... особенно на украшения. Авось чего унюхает!

– Ага, сгодится! – с ухмылкой подтвердил Андрей, подразумевая, однако, совсем другие обязанности. Никаноров задумался. Доводы Склярова (и, чего греха таить, двусмысленный намек Кожемякина) показались Вадиму довольно убедительными.

– Стало быть, отныне нас четверо, – подытожил он. – Начнем послезавтра. Я раздобуду необходимое снаряжение – лопаты, металлоискатель, – запасу продукты, куплю четырехместную палатку и другие нужные вещи. Жить будем прямо там, под видом туристов, дабы не вызывать подозрений.

– Разумная идея, – согласился Иван. – А поделимся поровну, на четверых. Если верить слухам, а также сохранившимся в моей семье преданиям, – богатства несметные. Хватит на всех с лихвой!

Возражений не последовало. Остаток вечера ушел на усиленное «обмывание» намеченного мероприятия...

4 июля 1998 года кладоискатели, усердно изображая празднующихся туристов, двинулись к усадьбе, находящейся в двух километрах от Лозовска, на берегу старого, запущенного, заросшего камышами пруда, давным-давно вырытого по приказу помещиков Коробковых для украшения ландшафта, а также лодочных прогулок. Свои истинные намерения наши герои сохранили в строжайшей тайне. Только Жеребцова, не удержавшись от соблазна, шепнула по секрету лучшей подруге, что вскоре завладеет графским кладом, сказочно разбогатеет, разоденется в пух и прах и переедет жить в Париж.

– Но гляди, Верочка! Никому ни слова, – на прощание предупредила она подругу.

– Что ты! Что ты! – замахала руками Верочка. – Я как могила! – И, едва дверь за Ольгой закрылась, ринулась к телефону. Вера отнюдь не собиралась разглашать доверенную ей тайну, но... с лучшей-то подругой Светой можно поделиться! По секрету!..

Глава 2

Лучше в уютной ладье по морю ездить, чем женщине тайну доверить.

Русская народная пословица

Как известно, в пересказе сплетни ни в коем разе не умаляются, а наоборот...

Слухи – они как смерчи, их невозможно сдержать или усмирить.

Эрик Ф. Рассел. Оса

Известие о том, что пресловутые сокровища графов Коробковых, спрятанные в 1812 году неподалеку от усадьбы-музея, наконец-то найдены (ну, скажем, почти найдены, осталось лишь откопать), с ураганной быстротой разнеслось по Лозовску. К тому моменту, как кладоискатели прибыли на место и вонзили лопаты в склизкую от дождя землю, весь город точно знал: архивист Скляр (в другой интерпретации – Складов) отыскал в музейной библиотеке план захоронения графских богатств. Причем по мере распространения слухов размеры этих самых богатств неуклонно возрастали. Верочка говорила Светочке о мешке бриллиантов, Светочка Леночке – о двух, Леночка Галечке – о трех и т. д. В результате к полудню жители Лозовска судачили уже о десяти мешках, весом не менее пятидесяти килограммов каждый. Отдельные оптимисты поговаривали о целой подводе. Первым перешел от охов и ахов к конкретным действиям начальник Лозовского ОВД Ольгерд Пафнутьевич Бутылкин (кстати, отдаленный потомок того самого Тита Бутылкина, в период наполеоновского нашествия туманно намекавшего на свое царское происхождение и впоследствии высеченного на конюшне «за самозванство»). В отличие от Тита Ольгерд Пафнутьевич не объявлял себя императором в изгнании. Его честолюбивые устремления имели куда более скромный характер, а именно стать генералом и разбогатеть. Новость о графских сокровищах принесла подполковнику соседка Любовь Филипповна – баба пронырливая и болтливая. Бутылкин серьезно задумался. Надо отдать должное – насчет «подводы» он не поверил, но три-четыре мешка... Гм, вполне возможно! «Награбили, баре, попили народной кровушки, паразиты! – мысленно рассуждал начальник ОВД. – Ведь это даже не бриллианты, а пот да кровавые мозоли моих предков, вкалывавших на графьев Коробковых от зари до зари!» (Между нами – славный род Бутылкиных не изнурял себя чрезмерной работой, отдавая предпочтение тесному общению с «зеленым змием», зато славился патологической революционностью, участвуя во всех без исключения мятежах и смутах, включая Октябрьскую заваруху.)

«Драгоценности должны принадлежать мне по праву! По законному праву! Восстановлю поправную справедливость!» – с пафосом подумал Ольгерд Пафнутьевич и развил кипучую деятельность. Поначалу он вознамерился выслать за кладоискателями погоню, сцапать, отлупить дубинками, заставить сознаться... В общем, действовать по стандартному милиционерскому сценарию. Бутылкин уже хотел отдать соответствующие распоряжения, как вдруг передумал. «Пусть сперва отыщут клад, а потом я его, хе-хе, оприходую! Меньше хлопот! – мудро рассудил подполковник. – На данный же момент главное – оградить район раскопок от халывщиков». (Под «халывщиками» подразумевались все прочие граждане, желающие поживиться имуществом Коробковых.)

Не мешкая ни минуты, он отправился на работу, вызвал наиболее доверенных сотрудников, руками коих обстригал немало сомнительных делишек. На совещании присутствовали: майор Семен Петрович Бураков, капитан Валерий Игнатьевич Спесивцев, лейтенант Вячеслав

Коловертов и лейтенант Олег Библикин. Суть полученных ими распоряжений сводилась к следующему:

а) перекрыть все подступы к раскопкам, не подпустить к усадьбе ни единого постороннего;

б) установить за кладоискателями тайное круглосуточное наблюдение. Глаз не спускать! В затылок дышать! Лишь только в поле зрения появятся мешки с бриллиантами – хватать!

Каждому из подручных Ольгерд Пафнутьевич обещал долю «малую», а также повышение по службе минимум на две ступени...

Яма, копаемая кладоискателями, еще не успела достигнуть глубины полутора метров, как подступы к усадьбе наглухо блокировали вооруженные наряды милиции, а по кустам зашуршали соглядатаи...

В субботу 4 июля 1998 года мэр города Лозовска Татьяна Петровна Звездовская проснулась позже обычного. Перебрала вчера на презентации нового филиала Дыркомбанка, принадлежащего ее старшему сыну от позапрошлого брака, и, пока не оклемалась, сплетням значения не придавала – голова по швам трещала. К половине первого, однако, голова Звездовской отчасти прояснилась, и она, подобно Бутылкину, воспылала жаждой обогащения.

Госпожа мэр не пыталась подвести под свои притязания генеалогическую базу (предки ее происходили Бог весть откуда), но база эта нужна была Звездовской, как собаке пятая нога. «Хапнуть, и баста! Чего там рассусоливать!» Сим незатейливым принципом Татьяна Петровна руководствовалась всю жизнь, в особенности став у кормила городской власти. Пенсии, пособия на детей и прочие «излишества» местного бюджета она ничтоже сумняшеся прокручивала в Дыркомбанке, получая внушительные дивиденды. Пенсии с пособиями доходили до адресатов с огромным опозданием, если вообще доходили, но Звездовскую подобные мелочи не беспокоили. Авось не околеют, а околеют – значит, судьба у них такая! Карма! (Татьяна Петровна любила смотреть по телевизору различные оккультные передачи, последнее время маскирующиеся под «лечебно-оздоровительные».) Ее же собственная «карма», согласно уверениям многочисленных «прорицателей», к которым Звездовская питала неистребимое пристрастие, сулила Татьяне Петровне сказочное богатство в самом ближайшем будущем. Представив себе «подводу с бриллиантами», госпожа мэр сперва сладостно затрепетала от кончиков наманикюренных ногтей до накладных ресниц, впала в транс, затем опомнилась, примчалась в мэрию и спешно вызвала по телефону трех доверенных людей. Доверенных и проверенных не только на службе, но и... кхе, кхм, ладно, проехали... Короче, трех надежных сотрудников – Толика, Лелика, Вовика, быкообразных тридцатилетних детинушек с тупыми исполнительными физиономиями, облаченных в шикарные импортные костюмы, сидевшие на них как на корове седло. Звездовская приказала: под предлогом ремонтных работ перерезать дороги, ведущие в город (а то вся область сюда сбежится), за кладоискателями установить неусыпное наблюдение, и лишь только они разыщут «подводу с бриллиантами» немедленно конфисковать!

Послушно кивнув, Толик, Лелик и Вовик покинули кабинет, а госпожа мэр погрузилась в глубокое размышление. В ее прекрасно разработанном плане оставался один пробел. В Лозовске охотников заполучить подводу с бриллиантами пруд пруди. Могут перехватить, засранцы! Значит, нужно оградить усадьбу Коробковых от гнусных посягательств аборигенов, но тут собственными силами не справиться. Придется обратиться за помощью в милицию, не посвящая, разумеется, барана начальника в истинную суть дела. Навешать Бутылкину лапшу на уши. Он дурак! Поверит! В башке всего одна извилина, да и та – след от фуражки... Прикрыв толстым слоем косметики следы вчерашней гулянки, Звездовская направилась разыскивать Ольгерда Пафнутьевича.

Третьим властью предрезавшим, заинтересовавшимся сокровищами Коробковых, стал местный крестный отец, некий Виктор Кошкин по прозвищу Котяра (злые языки украдкой добавляли к погоняле⁴ пахана приставку «Пакостный») – обрюзгший пятидесятилетний мужчина в изысканном костюме, скрывающем многочисленные наколки – следы лагерной молодости. Котяра, двумя днями раньше выкарабкавшийся из очередного запоя, к 4 июля восстановив силы, направился решать скопившиеся за время «штопора» проблемы, но при выезде из Лозовска наткнулся на экскаватор, усердно ковыряющий яму посреди дороги.

– Твою мать! Нашли, блин, время! Давай, Жора, в объезд! Опаздываем! – в сердцах бросил он шоферу, однако на всех остальных выездах из города наблюдалась аналогичная картина.

– Б...ский рот! Чудеса в решете! – пробормотал Котяра, отправив шофера к экскаваторщикам, разузнать, что происходит. Экскаваторщики ничего вразумительного объяснить не смогли. «Приказ мэрии. Зачем? Да пес ее знает! Дура и в Африке дура!»

Подобное толкование событий Котяру не устроило. Он хорошо знал Звездовскую, поддерживал тесные взаимовыгодные контакты и хоть не обольщался насчет интеллектуальных способностей Татьяны Петровны, отлично понимал: госпожа мэр не станет выбрасывать бюджетные деньги на ветер. Лучше прикарманит. Стало быть, чегой-то удумала. Чегой-то, сулящее крупную прибыль! Вернувшись домой, Котяра поручил «шестеркам» собрать разведданные и к двум часам пополудни в принципе уяснил ситуацию.

Стоит ли говорить, что Котяра, подобно Бутылкину со Звездовской, немедленно пожелал завладеть сокровищами?! Будучи от природы скептиком, он не поверил ни «в подводу», ни «в три-четыре мешка», но зато один мешок, пусть не очень большой, представлялся ему вполне реальным. Перво-наперво Кошкин приказал четверым приближенным, занимающим в банде ключевые посты, сесть на «хвост» кладоискателям и как только, так сразу, короче, изъять камешки да тащить к нему в офис. Потом, дескать, поделимся по справедливости.

Высокого доверия пахана удостоились четверо: Игорь Сычов (погоняла Сыч), Георгий Ворошилов (Генерал), он же личный шофер и телохранитель Котяры, Роберт Градский (Псих) и поразительно похожий на питекантропа Валентин Грушин, известный в криминальных кругах под прозвищем Бу-Бу, обусловленным невероятным косноязычием и скудоумием Грушина.

Бу-Бу выполнял в банде функции штатного палача, с которыми, невзирая на отсутствие извилин, справлялся великолепно.

– Пасти лохов! Глаз не спускать! Дрыхнуть по очереди! Ежели проспите – лучше сами вешайтесь, иначе легкой смерти вам не видать, – напутствовал приближенных шеф и свирепо рявкнул: – Чего вылупились! Вперед!

Бандитов как ветром сдуло.

Вторая часть стратегического замысла Котяры заключалась в следующем: ни в коем случае не допускать в город конкурентов из других группировок. Не дай Бог пронюхают о наличии клада! Всенепременно попытаются наложить на него жадную, заgreбушую лапу или, по крайней мере, влезть в долю.

Па-а-адлы! С данной целью он отмотобилизовал всех имеющихся в наличии боевиков охранять Лозовск от любых поползновений иногородней братвы. «Посылать на х...й» – на вопрос: «Что делать в случае появления посторонних бандитов?» – легкомысленно пошутил Кошкин. Он даже не подозревал, к каким тяжелым последствиям приведет его дурацкая шутка (впрочем, об этом позднее). И, наконец, лозовский крестный отец решил воспрепятствовать местным жителям добраться до усадьбы. Тут сгодятся менты. Недаром он каждый месяц отстегирует ихнему начальству солидный куш.

---

⁴ Погоняла – кличка, прозвище.

Необходимо конфиденциально побеседовать с Бутылкиным. Кошкин позвонил Бутылкину домой, узнал, что тот сегодня трудится сверхурочно, покачал головой в недоумении, уселся за руль своего «Мерседеса» и поехал в Лозовское отделение милиции...

Неожиданный визит Звездовской явился для Ольгерда Пафнутьевича неприятным сюрпризом. Он мгновенно заподозрил неладное, а когда госпожа мэр завела пространную речь о необходимости тщательно оберегать памятники старинной архитектуры, оградить усадьбу Коробковых от расхищения и осквернения несознательными гражданами, начать там реставрационные работы, Бутылкин окончательно убедился: «Пронюхала, стерва, о бриллиантах! Поживиться хочет! У-у-у, клизма старая! Мало ей Дыркомбанка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.